

КЛАССОВАЯ БОРЬБА КРЕСТЬЯН ЗАПАДНОУКРАИНСКИХ ЗЕМЕЛЬ В 1638—1648 ГОДАХ

М. В. Горн

В трудах буржуазных историков десятилетие, предшествующее освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг., освещено неправильно, тенденциозно. Намеренно замалчивая борьбу украинских крестьян против польской шляхты, они называли десятилетие 1638—1648 гг. периодом «золотого покоя». Так, польский буржуазный историк В. Томкевич говорил об этом периоде как об «эре возвращения мира на Украину», а о конституции 1638 г.— как о «важнейшем этапе в деле успокоения Украины»¹. Другой польский историк, Р. Оттман, называл это время «десятилетием гробовой тишины»². С другой стороны, украинская буржуазно-националистическая историография рассматривала это время как период усиления национального и религиозного гнёта украинского народа со стороны польского государства, игнорируя классовую борьбу крестьян и городской бедноты против шляхты. Лютым враг украинского народа М. Грушевский, сознательно замалчивая классовую борьбу городских низов и крестьянства против помещиков, выдвигал на первый план национально-религиозную борьбу, рассматривая её как движущую силу истории Украины.

Советские историки (В. Пичета, Н. Петровский и другие) правильно указали, что классовая борьба украинских крестьян не угасала в этот период, однако недостаточное количество изданных источников не позволило им подкрепить это положение конкретными материалами. Созданная польской буржуазией легенда о периоде «золотого покоя», об отсутствии в 1638—1648 гг. движений крестьян и городской бедноты ещё не опровергнута полностью. Даже в советские учебники для высших учебных заведений проникла оценка этого десятилетия как «времени затишья перед бурей»³.

В свете архивных материалов становится особенно ясным, что в 1638—1648 гг. на западноукраинских землях, как и во всей Украине, шла непрерывная классовая борьба крестьян против феодального наступления шляхты. Восстание крестьянства и городских низов Западной Украины в период освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. подготовлялось всем предшествующим ходом исторических событий и было вызвано внутренними причинами. Приход войск Хмельницкого послужил только толчком к более широкому развитию движения крестьян и городских низов, влившегося в общее русло освободительной войны украинского народа против феодального гнёта шляхетской Речи Посполитой.

¹ W. Tomkiewicz, Jeremi Wiśniewiecki. Rozprawy historyczne. Warszawa. Towarzystwo nauk. T. XII. 1933, str. 35; его же. Ograniczenie swobód kozackich w 1638 r. «Kwartalnik historyczny». Rocznik 44, t. I. Lwów. 1930, str. 151.

² См. R. Ottman. Adam z Brusilowa Kisiel, wojewoda Kijowski. Kartka z lat 1648—1649. «Przegląd powszechny». Warszawa. 1886, str. 6.

³ См. «Історія СРСР» під редакцією академіка Б. Д. Грекова, члена-корреспондента Академії наук СРСР С. В. Бахрушина, професора В. І. Лебедева. т. I. Київ. 1950 р., стр. 477.

В 1638—1648 гг. во всей Украине, в том числе и в западноукраинских землях Русского воеводства, шло экономическое и политическое наступление польской шляхты на крестьянство и казаков. Основой феодального господства, феодальной эксплуатации была собственность феодала-шляхтича на землю. Будучи монопольными владельцами земли, феодалы-шляхтичи на протяжении XVI—XVII вв. усиливали феодальный гнёт. Первая половина XVII в., в частности десятилетний период накануне освободительной войны, характеризуется дальнейшим ростом фольварочного хозяйства. Помещичьи имения росли особенно быстро на западноукраинских землях, на территории Русского воеводства, которое с конца XIV в. становится объектом захватнической политики шляхетской Польши. Причины, которые привели к организации фольварковой системы в Польше, в частности на землях Западной Украины, с достаточной полнотой освещены в трудах академика Б. Д. Грекова. В отличие от большинства исследователей, считавших главной причиной переустройства сельского хозяйства в Польше рост экспорта хлеба за границу, Б. Д. Греков убедительно доказал, что «серьёзные перемены в жизни польской шляхты и дворянства других стран Европы на восток от Эльбы»⁴ были вызваны общественным разделением труда и ростом внутреннего рынка. В первой половине XVII в. экспорт хлеба за границу не только не возрос, но, наоборот, начиная с 1618 г. постепенно падал⁵. Продукция фольварков в значительной части шла на внутренний рынок, в первую очередь для удовлетворения спроса населения городов и местечек, которыми достаточно густо была усеяна Червоная Русь и число которых до середины XVII в. всё время возрастало⁶.

Стремясь увеличить доходность своих хозяйств, шляхта расширяла барскую запашку за счёт крестьянских участков. Помещики часто сгоняли крестьян с их наделов. В королевском мандате, направленном Собеским своему приказчику, говорилось, что шляхтичи «захватывают у крестьян Нового Язова, Шкла, Ольшаниц, Чернилавы, Вербян, Тциянова и Завадова их (крестьян.—М. Г.) собственные поля и пастбища для фольварка... и захватили землю у некоторых крепостных в указанных сёлах». Захватывали также земли у крестьян королевские арендаторы сёл Пруссеки, Хотинца и Грушова⁷.

Не отставали от старост и арендаторов королевских сёл арендаторы частновладельческих поместий. Жители села Станкова, крепостные помещика Гедзинского, в жалобе на своего арендатора Павла Куровского указывали, что он «у живых людей отрезал их собственные поля, за которые оплачены все подати и отбыты повинности... У Мельника Василя забрал поле... У Марухни Грисицкой, вдовы, также забрал поле... У Филя запахал пуг и засеял, у него же засеянное им собственное поле вновь запахал и посеял для себя, и сено у него забрал, его самого так побил, что тот всё лето пролежал, а теперь приказывает ему убраться из села»⁸. Такими же методами действовал в деревнях Берёзка и Матяшова Воля арендатор Самуил Дуниковский, который «в Воле Матяшовой кметей... Стефана Наваяного с его сыном... бил и притеснял так, что крестьянин

⁴ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. М.-Л. 1946, стр. 373—374.

⁵ A. Szełągowski. Pieniądz i przewrót cen w XVI i XVII wieku w Polsce. Lwów. 1907, стр. 126—127.

⁶ S. Sochaniewicz. Wójtostwa i sołtystwa pod względem prawnym i ekonomicznym w ziemi lwowskiej. «Studja nad historią prawa polskiego». Т. VII, zesz. II. Lwów. 1921, стр. 54.

⁷ Филиал Центрального государственного исторического архива УССР во Львове, фонд Львовского градского суда. Т. 395, стр. 359. Саноцкий градский суд. Т. 157, стр. 364. Перемышльский градский суд. Т. 369, стр. 1535 (в дальнейшем даются лишь названия фондов).

⁸ Галицкий градский суд. Т. 133, стр. 1555—1556.

должен был уйти и оставить всё, и тот весь его участок поля присоединил к своему двору... У Лючка, сына кузнеца... забрал постройки и поле»⁹.

Рост фольваркового хозяйства в Польше привёл к тому, что значительная часть крестьянства была переведена со смешанной денежно-натуральной ренты на барщину. Эта форма эксплуатации крестьянства наиболее полно удовлетворяла тогда хозяйственные расчёты шляхты¹⁰. В первой половине XVII в. основная масса крестьян уже была переведена на барщину, норма которой неуклонно увеличивалась. Юридически в конце XVI в. средняя недельная норма барщины в королевщинах Русского воеводства составляла: в Любачевском, Любавском, Львовском староставах — по 2 дня с лана, в Перемышльском — 2—3 дня с лана, в Ратенском — 2 дня с лана, в селе Чернява, Мостицкого уезда, в 1586 г. — 2 дня с половины лана¹¹. За 30—40 лет барщина значительно возросла. Так, в Жидачовском старостве, в деревнях Олешево, Лапшин, Гродиско, Отеневиче, Дзюрки, крестьяне обязаны были в соответствии с инвентарём отработать с $\frac{1}{4}$ лана 4 дня барщины в неделю, с $\frac{1}{8}$ лана — 2 дня. Соответственно с одного лана они отработывали 16 дней в неделю (иначе говоря, крестьянин, имевший целый лан, принуждён был ежедневно посылать на господское поле двух и больше работников)¹². В некоторых деревнях норма отработочной ренты была меньше. Например, в частновладельческих деревнях Предельница, Быбло и Баршовичи, Перемышльской земли, «полуланники» обязаны были работать на помещика по 6 дней в неделю (с полудня), а крестьяне, сидевшие на $\frac{1}{4}$ лана, — по 3 дня в неделю (с полудня).

Таким образом, барщина, которая в конце XVI в. колебалась от 2 до 6 дней в неделю с лана земли, к описываемому времени достигла 6—16 дней в неделю с лана.

Кроме барщины, являвшейся для крестьян наиболее тяжким бременем, их принуждали выполнять и другие работы, например, «шарварки» (исправление мостов, плотин, дорог) и «гвалты» (обязанность всех трудоспособных жителей деревень выходить на работу в случае стихийных бедствий или во время горячей поры). Общепринята была обязанность крестьян доставлять помещикам подводы. Кроме того крестьяне платили шляхтичам натуральную и денежную ренту.

Разорительными были для крестьян и помещичьи монополии на водку, пиво, соль и другие товары, продававшиеся по повышенным ценам. С другой стороны, владелец деревни имел право принудить крестьян отдавать ему по низким ценам овёс, лён, коноплю, кур и т. д. Крестьян принуждали молотить зерно на мельнице помещика. Когда мельница не работала, крестьянин мог смолотить зерно на другой мельнице только лишь в случае уплаты своему пану соответствующей суммы, принадлежавшей ему «по праву»¹³.

Кроме феодальной ренты в пользу помещиков, крестьяне были также обязаны платить налоги в пользу государства: лановой — от площади земли, чоповой — за изготовление и употребление пива и других напитков, гиберну — на содержание королевских войск (последний уплачивали королевские крестьяне и часть церковных крестьян). Не освобождались крестьяне, в том числе православные и униаты, от налогов в пользу католической церкви.

Эксплуатация крестьян помещиками принимала особенно жестокие формы в имениях, переданных в аренду. Арендаторы, большей частью

⁹ Санюцкий гродский суд. Т. 158, стр. 1281—1283.

¹⁰ См. Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 375.

¹¹ J. Baranowski. Materiały do dziejów wsi polskiej. Zesz. I. Warszawa. 1909, str. 105—108; 3, 4, 6, 9, 79; 53; 30—31; 1, 98, 101; 36, 37, 38, 39, 42, 58, 59; Перемышльский гродский суд. Т. 371, стр. 279—280.

¹² Галицкий гродский суд. Т. 138, стр. 251—258.

¹³ P. Dałkowski. Prawo prywatne polskie. T. 2. Lwów. 1911, str. 237.

средние шляхтичи, вымогали у крестьян повышенную феодальную ренту сверх норм, установленных инвентарём. Арендаторов мало интересовало будущее имения, они стремились всеми силами и методами выжать максимальные доходы, их хозяйничание напоминало больше ограбление земли, нежели её обработку. Часто арендаторы выбирали под посевы только лучшие участки, что приводило к полному истощению земли. Они безжалостно эксплуатировали и разоряли крестьян. Чтобы принудить их нести феодальные повинности сверх установленных инвентарём норм, арендаторы применяли прямое насилие и террор. Избиение и даже убийства крестьян были обычным явлением в имениях, сданных в аренду.

Владелец деревень Садзавки, Красне, Козина и других жаловался на то, что арендатор «у крепостных указанных сёл брал чрезвычайные налоги сверх переданного ему инвентаря, принуждая их к этому угрозами, избиением, арестами, захватом скота и другого имущества»¹⁴. Арендатор села Берёзка крестьян «бил, сажал в тюрьму, раньше, чем скажет слово,— обухом ударит»¹⁵. Такими же зверскими методами управлял имением в деревне Станкова арендатор Куровский. Когда крестьянка Ганна Рушацкая не сумела продать на базаре гнилое зерно арендатора, «он её бил, посадил в тюрьму, угрожал обухом, так что она вынуждена была заплатить за просо». Крестьянина Филя, воспротивившегося захвату у него участка земли, арендатор «так избил, что тот всё лето пролежал... Василия Мельника ударил обухом так, что тот умер на месте от его руки. Коморника-крестьянина Василия Коцят на барщине побил обухом, и тот через полторы недели умер»¹⁶.

Даже польский буржуазный историк В. Лозинский вынужден был отметить, что «после ухода арендаторов с аренды всё выглядело так, как бы после набега татар: строения уничтожены, крестьяне разорены, леса опустошены, земля полностью истощена»¹⁷.

Не удивительно, что, когда аренда кончалась и деревня возвращалась владельцу, тот вновь сдавал её в аренду другому арендатору, потому что управление разорённым имением потребовало бы огромных расходов, а имение подвергалось дальнейшему опустошению. Остаётся добавить, что система аренды была распространена повсеместно как в Польше, так и на Украине, а это в огромной степени ухудшало положение крестьян. Оно усугублялось вследствие постоянных столкновений между шляхтичами, сопровождавшихся ранениями и убийствами крестьян, разграблением их имущества, угоном скота, часто бессмысленным разорением хозяйств, гибелью урожая, уничтожением целых деревень.

Стремление шляхты расширить фольварковое хозяйство наталкивалось на ожесточённое сопротивление крестьян. Чтобы сломить это сопротивление, шляхта стремилась ещё больше ухудшить правовое положение крестьян. Политика шляхты была направлена на то, чтобы подавить сопротивление крестьян, ограничить их личную свободу, лишить права апелляции на решения патримониального суда и т. д. Шляхте во всех отношениях помогало польское помещичье государство — «дворянская республика, основанная на эксплуатации и угнетении крестьян...»¹⁸. Государство предоставляло земельным магнатам полную свободу в хозяйственной организации их имений и в удушении сопротивления крестьян. В результате крестьянин был прикреплён к земле, утратил всякую возможность распоряжаться собой, оказался вне закона и был отдан целиком на милость своего помещика.

¹⁴ Теревовельский гродский суд. Т. 123, стр. 179—180.

¹⁵ Саноцкий гродский суд. Т. 158, стр. 1233.

¹⁶ Галицкий гродский суд. Т. 133, стр. 1556—1558.

¹⁷ W. Łozin'ski. Prawem i lewem. T. I. Wyd. 4. Lwów. 1931, str. 142.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 2, стр. 10.

— Вся система жестоких наказаний, существовавшая в феодальной Польше и применявшаяся к крестьянам по усмотрению полновластных помещиков, должна была, по мысли шляхтичей, обеспечить им неприкосновенность имений и имущества и сдерживать разгоравшееся пламя классовой борьбы против феодального гнёта. Обычным способом принуждения крестьян к покорности были побои, в ряде случаев кончавшиеся искалечением или смертью крестьян. Тюремное заключение в качестве наказания применялось реже, чем побои и штрафы, ибо помещикам невыгодно было отрывать крестьян от выполнения барщинных работ. Во время следствия крестьян подвергали пыткам, для чего приглашались специальные палачи из ближних местечек. За особо тяжкие «преступления», например, за участие в бунтах, крестьян сажали в крепость и присуждали к смертной казни¹⁹. Вообще смертная казнь в то время применялась помещиками довольно часто. Так, за кражу коня крестьяне попадали на виселицу²⁰.

Польские паны, рассматривая Украину как свою колонию, притесняли крестьян и городские низы не только в социально-экономическом, но и в национально-религиозном отношении. Для ополячения украинского населения они насаждали католичество и его разновидность — унию. Крестьян, отказывавшихся принимать унию, избивали, лишали имущества, заключали в тюрьму, пытали, запрещали молиться в церквах или закрывали церкви, кощунственно выкидывали тела умерших из могил. Польские феодалы вели поход и против национальной культуры украинского народа, которую иначе не называли, как «холопской».

Увеличение нормы феодальной ренты и превращение крестьянина в бесправного раба — вот что характеризовало положение украинского крестьянства в годы «золотого покоя». Понятно, что чудовищная эксплуатация крестьян, национальный гнёт, произвол шляхты и польских властей не могли не вызвать резкого недовольства крестьян и усиления их борьбы против феодалов.

Соотношение классовых сил в западноукраинских землях отличалось большой сложностью. Господствующим слоем среди феодалов были магнаты, которые с падением королевской власти превратились почти в самостоятельных князьков, эксплуатировавших в своих поместьях десятки тысяч крепостных крестьян. Большинство западноукраинских магнатов в середине XVIII в. являлись католиками, но была и целая группа крупной православной шляхты. В эту группу, кроме таких известных православных магнатов, как Кисели, князя Четвертинские, входили: в Перемышльской области — семья Лагодовских, в Львовской — Барятинских, в Галицкой и отчасти во Львовской — Балабанов (из среды которых главным образом выходили иерархи православной церкви и военные деятели), Демидецких и другие.

Хотя между православными и католическими, светскими и духовными магнатами были раздоры и шла борьба за политическое влияние в Речи Посполитой, все они были яркими врагами украинских народных масс. Общеизвестно, что в 1639 г. митрополит Пётр Могила торжественно встречал в Киеве гетмана Потоцкого, вернувшегося после разгрома казаков. Двоюродные сёстры митрополита Мария и Анна Могилянки, вышедшие замуж за магнатов-католиков, жестоко подавляли крестьянские восстания в своих западноукраинских владениях.

В противоположность растущей мощи католических и православных магнатов положение мелкой украинской шляхты (большей частью пра-

¹⁹ Галицкий гродский суд. Т. 133, стр. 1556—1558. Саноцкий гродский суд. Т. 160, стр. 421. Саноцкий гродский суд. Т. 155, стр. 1289. Теревовельский гродский суд. Т. 126, стр. 294. Львовский гродский суд. Т. 395, стр. 1304.

²⁰ И. Новицкий. Архив Юго-Западной России. Введение. Т. I, ч. 6, стр. 86.

вославной) всё больше ухудшалось. Доходов с земель и от крепостных крестьян мелким шляхтичам явно не хватало. Экономическое положение части мелкой украинской шляхты, земли которой перешли в руки магнатов, почти не отличалось от экономического положения крестьян. Угнетённая в национально-религиозном отношении, украинская мелкая шляхта с завистью глядела на богатства магнатов и духовенства. Не удивительно, что некоторые мелкие украинские шляхтичи участвовали в движении опришков, а в ходе освободительной борьбы нередко возглавляли крестьянские отряды.

В городах Западной Украины власть сосредоточивалась в руках городской аристократии, большинство которой, особенно в крупных городах, состояло из немцев и поляков. Эта аристократия угнетала городские низы и средние слои населения города не только в социально-экономическом, но также и в национально-религиозном отношении. Этим и объяснялось, что классовая борьба городских низов против патрициата, как и борьба крестьян против феодалов, принимала национально-религиозный оттенок. Естественно, что в классовой борьбе против помещиков крестьяне могли рассчитывать на помощь городских низов, ряды которых пополнялись за счёт беглых крестьян.

Городские патриции владели землёй и эксплуатировали крестьян. Крестьяне деревень, принадлежавших городам, эксплуатировались также городским чиновничеством. Хотя городская верхушка испытывала на себе гнёт польского помещичьего государства, которое в интересах шляхты ограничивало её торговые операции, однако, собирая оброк с крестьян и нередко роднясь с шляхтой, она поддерживала правящий класс против крестьян и городских низов.

Средние слои городского населения, сильно страдавшие от национально-религиозных преследований, а также притеснений польских магнатов и городской верхушки, иногда поддерживали движения крестьян. Однако они ещё не представляли серьёзной силы, ещё не сложились в класс буржуазии и жили преимущественно городскими провинциальными интересами.

В городах Западной Украины, особенно в таких крупных торгово-промышленных центрах, как Львов, Перемышль, Галич, было много обедневших городских ремесленников, подмастерьев и беглых крестьян. Плебейские массы, в одинаковой мере ненавидевшие патрициев, бюргерство и феодалов-помещиков, были надёжными союзниками крестьян. Однако они были слабы, недостаточно организованы и, естественно, не могли возглавить крестьянское движение.

Подавление польской шляхтой казацко-крестьянского восстания в 1638 г. открыло целую полосу жесточайшего террора, направленного против крестьян и городских низов. Но наступление феодальной реакции не привело к прекращению сопротивления крестьянства, а вызвало его усиление. Сопротивление крестьян западноукраинских земель наступлению польской шляхты принимало различные формы. К пассивным формам можно отнести жалобы крестьян на притеснения со стороны арендаторов, бегство крестьян; к активным — отказ крестьян отбывать феодальные повинности, захваты помещичьих участков земли, помещичьего скота, леса, поджоги помещичьих дворов и сельскохозяйственных строений, нападения на отдельных шляхтичей и их слуг, отдельные, разрозненные выступления крестьян и нападения на помещичьи имения, движение опришков. Несмотря на различные формы проявления, борьба крестьян была направлена против феодализма, за полную ликвидацию крепостного строя, за превращение крестьян в свободных производителей-землевладельцев.

К жалобам на угнетателей могли прибегать преимущественно королевские крестьяне. Крестьяне же частновладельческих имений могли жаловаться на притеснения со стороны феодалов лишь в том случае, когда име-

ние было передано в аренду и когда между помещиком и арендатором возник спор из-за невыполнения последним условий аренды.

Гродские и земские акты полны жалоб королевских крестьян в референдарский суд на бесчеловечную их эксплуатацию старостами и арендаторами, на непосильный феодальный гнёт, частые порки и пытки. Крестьяне некоторых сёл (Старый Ежов и Вишенка в Львовской земле, Ляшки, Хотинец и Грушов в Перемышльской земле, Надзеев и Раков в Галицкой земле и ряд других) на протяжении многих лет тщетно возобновляли жалобы, надеясь добиться если не прекращения, то хотя бы ослабления притеснений. Однако референдарский суд, будучи органом шляхетского государства, в большинстве случаев выносил решения в пользу помещиков; если же, стремясь на некоторое время сдержать крестьянские выступления и не допустить полного разорения государственных имений, он и выносил решения в пользу крестьян, то они никогда не выполнялись вследствие слабости государственного аппарата шляхетской Польши. Безрезультатность жалоб неминуемо приводила к усилению бегства, отказу от несения феодальных повинностей, отдельным выступлениям против шляхты и открытым восстаниям.

Стремление крестьян освободиться от крепостной зависимости вызывало бегство крестьян из родных мест. Особенно усилилось оно накануне освободительной войны 1648—1654 годов. Одни крестьяне убегали в Приднепровскую Украину, Карпаты и в города Западной Украины, где искали лучших условий жизни и освобождения от крепостной зависимости. Другие (об этом сохранилось наибольшее количество сведений в судебных книгах) убегали от одного помещика к другому в границах воеводства и даже земли, что объяснялось неравномерностью барщины и льготами, которые помещики предоставляли беглым крестьянам, привлекая их в свои имения. Гродские акты переполнены жалобами шляхтичей на бегство крестьян. Например, в жалобе помещицы К. Сенявской на магната Ланцокоронского имеются сведения о бегстве принадлежавших ей 18 крепостных вместе с семьями из деревень Вербовец, Звенигос, Косов, а также из города Будзанов в города Ягельницу и Росоханец²¹. Жалоба Ремигиана Держка, арендатора деревни Монастырчани, на Николая и Якова Потоцких содержит сведения о бегстве из этой деревни 81 крестьянской семьи²². Только с 21 марта до конца 1643 г., то есть немногим больше, чем за 8 месяцев, в Галицкий гродский суд было подано 60 жалоб, которые содержат сведения о бегстве 401 крестьянской семьи, из которых 122 семьи (30,4%) убежали в города Галицкой земли²³.

Шляхта собственными силами не в состоянии была справиться с бегством крестьян, которое угрожало ей нехваткой рабочих рук, а следовательно, уменьшением доходов. На помощь шляхте пришло польское феодальное государство. С 1420 по 1699 г. сеймы издали 49 законодательных актов, предусматривавших репрессивные меры против бежавших крестьян и льготы помещикам при преследовании и розыске беглых.

Основная масса крестьян оставалась на месте и вела классовую борьбу с феодалами другими способами. Так, всё чаще крестьяне стали отказываться отбывать феодальные повинности в пользу помещиков и платить налоги в пользу католической церкви.

Несмотря на то, что отказ подчиниться помещикам считался «бунтом», участие в котором каралось очень жестоко, иногда пытками и смертью, крестьяне широко применяли этот вид борьбы, причём отказ от выполнения феодальных повинностей нередко перерастал в открытые возмущения, охватывавшие иногда несколько деревень и даже целые старства.

²¹ Теревовельский гродский суд. Т. 126, стр. 168. 1643 г.

²² Галицкий гродский суд. Т. 132, стр. 5—24. 1638 г.

²³ Там же. Т. 136, стр. 147 и сл.

В 1644 г. отказались отбывать феодальные повинности в пользу городского старосты Мишковского (мужа Анны Могилянки) крестьяне деревни Вишенка. Король в грамоте, адресованной «кметям, загородникам и всем крепостным села Вишенки», обвинял крестьян в том, что они «взбунтовались» и «не хотят выполнять работы»²⁴. За год до этого, в 1643 г., крестьяне села Хотинец убили войта — сборщика налогов, который принуждал их работать на помещиков²⁵.

В бунт перерос также отказ крестьян села Старый Ежов выполнять повинности в пользу яворовского старосты, будущего польского короля Яна III. Королевская повестка от 10 ноября 1646 г. предлагала Грицю Блоху, Яцеку Варенице, Сидору Яцимену, Ваське Нагаеву, Стецько Дзику, Шимке Валуге, Павлу Сокуне, Яремке Стецько и другим крестьянам села Старый Ежов явиться в референдарский суд по «обвинению, выдвинутому Яном Собеским, нашим яворовским старостой... который вас, вышеназванных вожаков, обвиняет в поднятии частых бунтов». «Староста, — читаем дальше в повестке, — обвиняет вас в том, что из-за ваших бунтов общество препятствует инвентаризации и люстрации, не хочет отработывать и выполнять работы, не платит повинностей, не предоставляет повозок и не выполняет других повинностей, а также не выходит на спасательные работы во время наводнения». И далее: «Вы, опустошив леса Яворовского староства, каждый раз врезываетесь далее в леса и фольварки и расширяете свои поля без всякого ограничения»²⁶.

Ярким проявлением классовой борьбы крестьян против помещиков были самовольная запашка помещичьей земли, захват помещичьего скота, самовольная вырубка помещичьего леса. Крестьянин деревни Колбайловичи, Львовской земли, Андрусь Псюк прирезал к своей земле часть участка шляхтича Погорецкого, что привело к кровавой стычке между помещиком и крестьянами, во время которой Погорецкий был ранен²⁷. Таким же путём, самовольно прирезывая к своим участкам шляхетские земли, увеличили свою земельную площадь королевские крестьяне деревень Хотинец и Грушов. Массовый захват помещичьей земли вызвал жалобу арендатора этих деревень Яна Островского в референдарский суд, который, боясь крестьянских бунтов, присудил землю крестьянам, с тем, однако, условием, что они обязаны выполнять с прирезанной земли феодальные повинности в пользу арендатора²⁸.

Крестьяне деревни Прусек сообща захватили и поделили между собой весь участок земли, принадлежавший войту этой деревни, шляхтичу Якову Подгурскому. Они также засеяли и убрали помещичий выгон, захватив все находившиеся здесь сельскохозяйственные постройки²⁹.

Часто крестьяне производили вооружённые нападения на помещичьи имения с целью захвата скота. В 1640 г. помещик Михаил Жураковский подал жалобу на 14 крестьян деревни Задубровичи, которые во главе с Михаилом Бугачем и Никитой Иваничем в сопровождении других крестьян ворвались в его коровник и увели 40 голов рогатого скота³⁰.

Вооружённое нападение на шляхетское имение произвели в 1644 г. жители местечка Корчаков (центр народного восстания в 1648 г., во главе которого стоял Высочан) и окрестных деревень Голоско и Угерники. Мещане и крестьяне во главе с атаманом (старостой) деревни Голоско и крестьянами Грицем и Фёдором Воробко напали на усадьбу помещицы Сусанны Скоповской в деревне Журков и забрали у неё 12 голов рогатого скота, 30 овец, 6 свиней и другое имущество³¹.

²⁴ Львовский гродский суд. Т. 395, стр. 1027—1029.

²⁵ Перемышльский гродский суд. Т. 368, стр. 315.

²⁶ Львовский гродский суд. Т. 397, стр. 691—692.

²⁷ Там же. Т. 395, стр. 969—970.

²⁸ Перемышльский гродский суд. Т. 368, стр. 616—617.

²⁹ Саножский гродский суд. Т. 159, стр. 3190—3192.

³⁰ Галицкий гродский суд. Т. 134, стр. 1119—1120.

³¹ Там же. Т. 137, стр. 2105—2106.

Сообщения о подобных выступлениях крестьян встречаются в актовом книгах очень часто³². Помещики часто жаловались и на массовые порубки лесов крестьянами. За один только 1641 г. в Саноцкий грод поступило от помещиков 15 жалоб по этому поводу³³.

Учащались случаи поджогов крестьянами помещичьих имений, хозяйственных построек, собранного урожая. Так, в 1642 г. жители деревни Скляры сожгли имение арендатора шляхтича Славинского. В том же году за поджог пасеки шляхтича Ометинского в деревне Подгайцы было арестовано 18 крестьян. В следующем году в Галицкой земле крестьяне деревень Загвоздь, Угерники и Коншатники сожгли коровник помещика Семена Загвойского, 11 хозяйственных строений шляхтича Луки Бернадского и дом шляхтича Косаковского³⁴.

Озлобление крестьян против угнетателей-шляхтичей проявлялось очень часто в нападениях на помещиков и их слуг. Эта форма классовой борьбы усилилась накануне освободительной войны. Крестьяне нападали на шляхтичей и их слуг одиночками, целыми группами, а иногда населением целой деревни или даже нескольких деревень. Сведений о подобных фактах особенно много в галицких и саноцких актах.

Об обострении классовой борьбы свидетельствовал и отпор, который крестьяне отдельных деревень давали солдатам польской армии, пытавшимся грабить крестьянское имущество. Так, крестьяне деревни Петров напали на солдат отряда поручика Матвея Собицкого и внезапным ударом выбили их из селения³⁵. В другом случае, когда отряд Юрия Балабана во главе с офицерами Александром Пиложинским и Венцлавом Шпиговским в сопровождении шляхтичей Рожницкого и Кшивинского пытался собрать контрибуцию с крестьян деревень Беневка, Сосновка, Соколов и других, крестьяне напали на офицеров, нанесли им серьезные ранения, захватили три мушкета, пистолет, два патронташа и 13 рабочих лошадей³⁶.

От разрозненных нападений на шляхтичей, их слуг и солдат польской армии, занимавшихся грабежом мирного населения, крестьяне в годы так называемого «золотого покоя» стали переходить к нападениям на помещичьи имения и к массовым выступлениям против шляхты. В судебных актах сохранились сведения о массовых нападениях крестьян частновладельческих деревень Плонне и Вислок на имение шляхтича Яна Луговского; крестьян деревни Вышатичи на двор Самуила Краинского в Болестрашицах; жителей деревни Буковце на двор шляхтянки Гродицкой; крестьян деревни Ясень на имение шляхтича Блонского и др. Иногда крестьяне частновладельческих деревень создавали вооружённые отряды для нападения на проезжающих шляхтичей. В 1639 г. такой отряд крестьян из деревень Венгловка и Кросно во главе с Громко из Венгловки, Фомой Скроболой из Кросно и Ганусем, прозванным «капитаном», напал на помещика из деревни Близне Стефана Тчинского, ранил его, продержал под арестом в деревне Кросно два часа³⁷. Ганусь («капитан») до этого действовал во главе крупного отряда крестьян в Галицкой земле. Его отряд численностью в 50 человек напал на обозы шляхтича Тышкевича, захватил всё его имущество, убил одного из слуг — шляхтича Южица, а двух шляхтичей — Зеленецкого и Тибичного — тяжело ранил³⁸.

³² Там же. Т. 134, стр. 1161; Т. 136, стр. 130, 761—762. Саноцкий гродский суд. Т. 156, стр. 428, 1195, 1889, 2050.

³³ Саноцкий гродский суд. Т. 156, стр. 28—29, 58, 127, 216, 226—227, 315—316, 406—430, 444, 488—489, 490, 491, 530, 615—616.

³⁴ Там же, стр. 801—802. Галицкий гродский суд. Т. 136, стр. 301, 311—312, 676.

³⁵ Галицкий гродский суд. Т. 132, стр. 162—163.

³⁶ Тереховельский гродский суд. Т. 124, стр. 158—159.

³⁷ Саноцкий гродский суд. Т. 155, стр. 136—137, 1638 г.; Т. 156, стр. 342—345, 1642 г.; Т. 157, стр. 382—383, 1643 г.; Т. 161, стр. 1832—1834, 1647 г.; Т. 155, стр. 759.

³⁸ Галицкий гродский суд. Т. 132, стр. 133—136.

В активную борьбу против феодалов включались и королевские крестьяне. В Галицкой земле особенной стойкостью отличались крестьяне деревень Надзеева и Ракова, Долинского староства, где традиции борьбы против феодалов сохранились с конца XVI века. Борьба крестьян этих деревень не угасала и накануне освободительной войны. Они при этом в течение целого десятилетия, начиная с 1638 г., умело использовали возникавшие между феодалами споры и столкновения. Королевские крестьяне деревень Могильница, Романовка и Хмелевка, узнав в 1641 г., что слуги арендатора этих деревень Якова Понятовского напали на него во время поездки в Люблин и пытались убить, напали на замок Понятовского в Могильнице, захватили и разделили между собой его имущество. Движение крестьян принимало столь серьёзный характер, что владельцы окрестных деревень стали применять против них воинскую силу. Так, Мария Могильянка и её сын Пётр Потоцкий, испуганные разрастающимся движением крепостных, вызвали военную часть и подавили восстание крестьян, имущество которых присвоили офицеры и солдаты³⁹. В Львовской земле наиболее сильные массовые выступления королевских крестьян против старост и арендаторов произошли в Городецком и Яворовском староствах. В Перемышльской земле центрами крестьянского антифеодального движения были королевские деревни Ляшки и Витушинец, Мостицкого староства, Хотинец и Грушов, Мостовского староства.

В 1639 г. крестьяне деревни Витушинец во главе с Герасимом Витушинским отказались выполнять феодальные повинности в пользу старосты. Они выгнали из села чиновников старосты, сняли с должности войта, который угодничал перед старостой, и выбрали на этот пост Герасима Витушинского. Против крестьян был послан сильный отряд драгун во главе с шляхтичем Камоцким. Узнав о приближении карателей, крестьяне вооружились и укрепились в церкви, поклявшись защищаться до последней капли крови. Между крестьянами и гайдуками произошло настоящее сражение. Крестьяне мужественно оборонялись, но вынуждены были отступить перед подавляющими силами противника. В конце концов Камоцкий во главе отряда ворвался в церковь. Витушинский был схвачен, отправлен в Мостиска и посажен в тюрьму⁴⁰. О дальнейшей судьбе участников восстания в актовых книгах ничего не говорится.

Приведённые примеры свидетельствуют, что в годы «золотого покоя» крестьяне, не удовлетворяясь пассивными формами классовой борьбы, переходили к открытым выступлениям против помещиков-феодалов. Но эти выступления в результате раздробленности и чрезвычайной отсталости крестьян кончались поражением.

С крестьянскими выступлениями сливалось движение городских низов. Примером совместной борьбы крестьян и мещан против шляхты может служить выступление в 1645 г. в Галиче против старосты Яна Потоцкого. Вместе с мещанами против старосты поднялись жители окружающих деревень. Особенно активно действовал при этом крестьянин Лесик из села Залуже. За подстрекательство городской толпы к бунту он был приговорён городским судом к смертной казни. Узнав о дне его казни, городские мещане и крестьяне окрестных деревень собрались у ратуши, требуя освобождения Лесика. Возбуждение народа использовал в своих интересах арендатор Галицкого войтства Альберт Тиравский, который желал расправиться со своим личным врагом Яном Потоцким. С помощью крестьян Василия, Михаила Лесика (возможно, брата или родственника приговорённого к казни), Станислава Бернатовича и Рутика Сеньковича, сопровождаемый толпой мещан, он освободил Лесика, которого палачи уже вели на место казни. Против мещан и крестьян был двинут отряд солдат во главе с начальником крепости Грембовским. Во-

³⁹ Львовский градский суд. Т. 392, стр. 448—452, 921.

⁴⁰ Перемышльский градский суд. Т. 365, стр. 1188—1194, 1920—1923.

оружённое столкновение закончилось поражением солдат. Раненый Грембовский едва убежал в крепость. Вторично арестовать Лесика так и не удалось. Руководство движением принял на себя Тиравский. Он подготовил мятеж произвести покушение на Потоцкого во время заседания сеймика. Однако заговор был раскрыт и движение подавлено⁴¹.

Крестьяне участвовали и в крупном движении мятежников города Снятин в 1646 году. Возмущённые тем, что у них были отобраны некоторые привилегии, мятежники восстали против снятинского старосты Петра Потоцкого. Не имея возможности справиться в открытом бою со значительными силами старосты, они, рассчитывая таким путём заставить Потоцкого пойти на уступки, оставили город, разбили лагерь вблизи границы с Молдавией и направили своих представителей к королю для переговоров. Владислав IV, учитывая опасность движения на самой границе королевства, выдал делегатам восставших грамоту, в которой обещал вернуть отобранные у них «вольности». Тогда восставшие вернулись в Снятин, силой захватили городскую ратушу, охраняемую солдатами Потоцкого, и подступили к крепости, намереваясь взять её штурмом. Движение это вызвало отклики и в окрестных деревнях. Крестьяне отказались нести феодальные повинности в пользу старосты и поддерживали требования мятежников⁴².

Своеобразной формой классовой борьбы крестьян Западной Украины было движение опришков. Его характерные черты заключались в классовой направленности, полувоенной организации, конспиративности и всеобщей поддержке, которую опришкам оказывали крестьяне.

Ядром движения опришков (в Саноцких и Перемышльских актовых книгах они именуется «списниками» и «бескидниками», в Галицких — «ватажками») были крестьяне горных селений Галицкой, Перемышльской и Саноцкой земель. В Саноцкой и Перемышльской землях в движении опришков участвовало почти всё взрослое мужское население Стужицы, Поляны, Русского, Россохатова, Вислока и Волосатого. В Галицкой земле опришки рекрутировались из деревень Пнев, Печенежин, Рунгур, Криволюки и других. По ту сторону Карпат центром движения опришков были деревни Быстрое, Люгня, Загорбье, Славное и другие⁴³.

Опришки пополняли свои ряды также за счёт беглых крестьян. Временами бегство к опришкам носило массовый характер. Так, например, в 1639 г. к опришкам на польско-венгерскую границу убежало около 200 крестьянских семей из деревень Галицкой земли Крич, Яблонка, Потоки и Кринец⁴⁴. Бегство крестьян на польско-венгерскую границу к опришкам накануне освободительной войны приняло настолько массовый характер, что почти ежегодно в связи с этим создавались смешанные польско-венгерские комиссии, обязывавшие шляхту по обе стороны Карпат немедленно возвращать беглых крестьян их прежним владельцам⁴⁵.

Основную массу опришков составляло малоземельное крестьянство. Значительную роль в движении опришков играли князья (старосты) валашских сёл, которые нередко возглавляли отряды опришков⁴⁶. В состав опришков входила также часть обедневшей украинской шляхты и сельского православного духовенства, включавшаяся в движение в основном с целью нажиться во время нападения на шляхетские имения и купеческие обозы. Национальный (как и социальный) состав отрядов опришков был неоднороден. В Галицкой и Перемышльской землях среди опришков преобладали украинские имена, в Саноцкой наряду с украинскими часто

⁴¹ Галицкий гродский суд. Т. 138, стр. 501—503, 559—562.

⁴² Там же. Т. 139, стр. 1479—1481, 1569—1570.

⁴³ W. Łoziński. Prawem i Lewem. Т. I, Lwów. 1931, стр. 214—215, 229.

⁴⁴ Галицкий гродский суд. Т. 132, стр. 88—89. Саноцкий гродский суд. Т. 155, стр. 1287.

⁴⁵ Volumine legum. Т. III. Petersburg. 1859, стр. 1609, 1640; Т. IV. Petersburg. 1859, стр. 27, 49, 53.

⁴⁶ См. Е. Дракохруст. Галицкое Прикарпатье XVI века и движение опришков. «Вопросы истории». 1948, № 1.

встречались польские имена. В отряды опришков входили также венгерские сабаты (солдаты венгерской армии, происходившие главным образом из крестьян).

На протяжении 1638—1648 гг. опришки неоднократно нападали на шляхетские имения. Польская шляхта старательно скрывала правду о движении опришков. Но весть о выступлениях опришков доходила до местных крестьян, и опришки пользовались большой поддержкой с их стороны. Так, в нападении опришков на владельцев деревни Токарня, происшедшем 26 июля 1639 г., участвовали жители этой деревни. Опришков, напавших на имение Цеплинского в деревне Дюрдзев, поддержали крестьяне деревни Лукова во главе с Ферником Кириллом и двумя его сыновьями. В том же году, предвзительно установив связь с крестьянами деревни Зубрава, вооружённые опришки произвели нападение на замок Моравского, вместе с местными крестьянами ворвались в имение и захватили оставленное убежавшими шляхтичами имущество⁴⁷.

В описываемый период наиболее крупное нападение опришков на земельных магнатов состоялось в ночь с 3 на 4 октября 1644 года. В эту ночь они совершили нападение на имение арендаторов деревни Загутин Гродковских. В нападении, кроме 300 опришков, приняли участие крестьяне деревень Репедзе, Рокитовци, Хабор, Негова, Микова, Пстронна, Гальминица, Великие Стружи, Малые Стружи, Загутин, Вислок, Радошичи, Горба и Панива. Командиром опришков был крестьянин Степан Солинка. Помещики окрестных сёл, получив известие о нападении опришков и крестьян, разбежались. Опришки захватили у них всё имущество, а также грамоты, письма, контракты, инвентари с записями крестьянских повинностей и недоимок⁴⁸.

В том же году один из отрядов опришков действовал в районе местечка Риманова. Накануне освободительной войны во главе отряда опришков стоял мелкий шляхтич Ян Яворовский, которого шляхте удалось захватить с помощью военной силы лишь в 1652 году. Яворовский был приговорён к смертной казни. Незадолго до начала освободительной войны успешно действовали опришки деревни Стужицы.

С выступлениями опришков шляхта боролась при помощи жестокого террора. Опришков, которые попадали в их руки, шляхтичи казнили после жестоких пыток. Для борьбы с опришками феодалы создали специальные военные отряды «смоляков». Однако, как ни был жесток террор, применявшийся помещиками против опришков, и какие бы крупные суммы ни расходовала шляхта на организацию отрядов «смоляков», движение народных мстителей не прекращалось до самого начала освободительной войны. Оно настолько разрослось, что по требованию саночкой шляхты на Вишенском сеймике 10 января 1647 г. было принято специальное постановление о борьбе с опришками⁴⁹. Это постановление ни к чему не привело. Продолжая традиции многовековой борьбы с угнетателями-шляхтичами, опришки включились в общее русло освободительной войны украинского народа против феодального гнёта шляхетской Польши.

Классовая борьба крестьян Западной Украины была направлена своим остриём против феодального строя. Вопреки утверждениям буржуазных националистов о бесклассовости украинского народа, об отсутствии в его истории борьбы классов крестьяне западноукраинских земель, как и всей Украины, вели классовую борьбу не только против польских, но и против украинских феодалов, против помещиков-католиков и помещиков-

⁴⁷ Саночкий гродский суд. Т. 155, стр. 1263—1264.

⁴⁸ Там же. Т. 159, стр. 3310.

⁴⁹ Akty grodzkie i ziemskie. Т. XX, стр. 503—504. «Laudum ziemian sanockich na wiszeńskim sejmiku celem poskromienia złodziei i zbójców w sanockiem».

православных. В то же время крестьяне боролись и против национально-религиозного гнёта.

Особенно сильным было их негодование против польского шляхетского гнёта и господствовавшей католической церкви. Вследствие того, что крупные феодалы и значительная часть средней шляхты были католиками, классовая борьба крестьян и городской бедноты принимала временами форму борьбы православия против католичества и унии. В этой борьбе ярко проявилась не только классовая ненависть крестьян против феодалов, но и стремление крестьян и городской бедноты к воссоединению со всей Украиной и с Россией.

Крестьяне западноукраинских земель всегда обращали свои взоры на восток, к приднепровцам и к великому русскому народу. Доведённые до отчаяния всё усиливавшимся феодальным гнётом, крестьяне убегали на восток, где пополняли ряды казаков и вместе с приднепровцами и русскими крестьянами продолжали бороться против польско-шляхетской агрессии. Ярко выразили свои симпатии к казакам крестьяне деревни Горожаны в 1625 году. Понимая, что единственным выходом из их ужасного положения является общая борьба вместе с казаками против шляхты, они поклялись на кресте, что будут бороться против помещика до последней капли крови, заявив при этом: «Итти нам всем на Украину к казакам, где будем мстить тем, против кого мы сговорились»⁵⁰.

Несмотря на значительный размах, который приняли крестьянские выступления на западноукраинских землях накануне освободительной войны украинского народа, эти выступления кончались поражением. Это, однако, не значит, что классовая борьба крестьян западноукраинских земель накануне освободительной войны была безрезультатна. Она подрывала устои господства польской шляхты на западноукраинских землях и облегчала борьбу всего украинского народа за воссоединение с великим русским народом. Массовое участие западноукраинских крестьян в освободительной войне украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого было продолжением и развитием классовой борьбы крестьян в 1638—1648 годах.

⁵⁰ Перемышльський городський суд. Т. 361, стр. 1820.